

**МИХАИЛ
ВОРОНОВ**

КОМАРЫ

Михаил Алексеевич Воронов

Комары

Аннотация

«Дачная жизнь в нынешнем году началась, как известно, чрезвычайно поздно, и началась она среди таких жестоких холодов, от которых одни дачные селища вымерзли окончательно, другие обратились в сплошные больницы, наполненные обезображенными пациентами мужского и женского пола, и лишь третьи, наконец, – признаться, очень немногие, – удачно перенесли сказанную стужу...»

Содержание

I	6
II	9
III	12
IV	17
V	21

Михаил Воронов

Комары

(Истинное, хотя и невероятное событие)

Дачная жизнь в нынешнем году началась, как известно, чрезвычайно поздно, и началась она среди таких жестоких холодов, от которых одни дачные селища вымерзли окончательно, другие обратились в сплошные больницы, наполненные обезображенными пациентами мужского и женского пола, и лишь третьи, наконец, – признаться, очень немногие, – удачно перенесли сказанную стужу. Причину такой удачи нужно искать, разумеется, с одной стороны, в выносливости русского человека вообще, а с другой – в остроумном сочетании шуб, теплых пальто, шапок с наушниками и меховых сапог, живописно рисовавшихся там и сям среди тошей зелени полей, скудной листвы деревьев и поражающей красоты цветущих болот. Но ведь всему есть конец. Первые числа июня, как помнит каждый, принесли даже нам тридцатиградусный жар: сверкающее солнце стояло над нами вверху, зephyры порхали понизу, и какая-то сладостная истома уже начала было разливаться по нашим членам. «Лето-с добренькое-с», – восклицал чиновник; «Таперьча попреем», – отзы-

вался купец; «Ах! ах!» – взывала барышня, насаживая ко-
ну-шиньон на плешивую маковку, и бежала вон из дачи...
Однако суровому року угодно было внести новое испытание
и в эту бедную радостями жизнь. Испытание действительно
было ужасно; и вот изображению этих-то ужасов мы и по-
свящаем сие *истинное, хотя и невероятное повествование.*

I

О том, кто был Алеша Перепелкин, а равно о прелестях Таврического сада в раннюю весну; тут же Алеша дает кое-кому киселя, и что из того вышло

Алеша Перепелкин, которому суждено играть одну из главных ролей в этой истинной, хотя и невероятной истории, был сын чиновника четырнадцатого класса Степана Перепелкина. В те времена, к которым относится наш рассказ, Алеша сам уже был чиновником четырнадцатого класса и занимал видное место канцелярского служителя, с жалованьем в двенадцать с полтиною в месяц или полтора ста рублей в год. Герой наш был высокого роста, отлично сложен, неглуп и шепеляв от природы и достаточно образован, – то есть настолько достаточно, чтобы быть редактором газеты «Весть»¹, находящейся, как известно, в настоящее время под ведением талантливое нашего литератора А. Пензина. Алеша проживал на Песках, где нанимал комнатку у мещанки Плюгачевой, а стол имел у кухмистра, за 25 копеек в сутки (разумеется, два блюда). Редкая бережливость и помрачающая ум аккуратность сделали то, что молодой человек умел прекрасно распорядиться своими скудными средствами и даже перед последней святой купил себе дождевой зонтик в пять

¹ «Весть» – газета реакционного направления, редактором которой в 1865-1867 годах был А. Пензин.

рублей серебром, о котором столоначальник Алеши изволил сказать, что это «штукенция важная». Для полноты характеристики Перепелкина здесь мы должны прибавить, что он был очень влюбчив, играл на гитаре и недурно напевал тенором «Черную шаль».

Так проживал наш герой изо дня в день, из года в год и дожил наконец до весны текущего года, двадцать третьей в его жизни. После Фоминой недели случилось как-то Алеше блуждать по Пескам и их окрестностям; мыкаясь из улицы в улицу, из переулка в переулок, он дошел незаметно до Та-врического сада, а так как ворота были отперты, то Перепелкин и поспешил войти. Весенний воздух, кое-какая зелень, плесень на воде, заросшие дорожки и дуплистые ободранные деревья – все располагало к мечтательности и уносило мысли к далеким временам счастливого детства, с сказкой и песней няни, с музыкой-речью матери, звонкими голосами сверстников, играми, забавами, а порой и подзатыльниками отца. Вот идет себе Алеша, идет да мечтает, мечтает да поет «Черную шаль», вдруг он видит впереди на той же дорожке огромный шиньон, к которому было пришпилено живое существо; всматриваясь пристальнее в шиньон и существо, Перепелкин, хотя и не без труда, узнал, однако, в этом последнем девушку. Рядом с шиньоном и девушкой шел какой-то молодой человек и старался завести разговор. Алеша ускорил шаги и нагнал интересную пару.

– Вы есть прелестны! – приставал неизвестный модой че-

ловек.

– Ах, оставьте меня, ради бога! – вымолвила спутница.

– Вы есть ангел!

Спутница потупила глаза и молчала.

– Я в вас влюбимшись, за вашу красоту.

– Послушайте, оставьте меня, прошу вас, – умолял шиньон.

Но все просьбы и мольбы несчастной девушки оставались напрасными: дерзкий мужчина продолжал прилипать, и наглость его росла с каждой минутой. Будучи от рождения враг всяких скверностей, Алеша не вытерпел и, подскочив сзади к незнакомцу, дал ему такого *киселя*, от которого презренный ферлакур² вспахал носом землю и наполнил воздух криками: «Караул! режут!» Не желая подвергаться всем последствиям этого неприятного пассажа, Алеша с надлежащей сообразительностью подобрал полы своего пальто и задал такого стрекача, что лишь пятки засверкали в воздухе; шиньон с не меньшей стремительностью последовал за ним, а злополучный любезник встал и пошел к канаве – всполоснуть свою физиономию.

– Благодарю вас, благодарю вас! – воскликнула со слезами девушка, хватая Перепелкина за руку. – Я вам по гроб жизни обязана, – прибавила она, рысью вбегая в ворота и галопом поспешая далее. «А *кисель* был хорош», – подумала она, исчезая.

² Ферлакур – ухажер (от *франц.* faire la cour).

II

Краткая история Тани Черноусовой, с показанием ее физических и моральных качеств, причем будет замолвлено слово-другое за весь женский пол, а равно будет поставлено на вид Второе Парголово и его прелести. – Небольшая заметка о холоде, Алексее Перепелкине и нежной страсти

В прошлой главе, как, вероятно, помнит читатель, мы упомянули о шиньоне и неизвестном существе женского рода, пристегнутом к этому чудесному изобретению нашего века; теперь мы без обиняков объявляем, что упомянутое существо было – героиня пашей истинной, хотя и невероятной повести, Таня Черноусова.

Таня Черноусова, дочь поручика в отставке, Степана Филимонова Черноусова, и жены его, поручицы, Феклы Прохоровны Черноусовой, была девица двадцати лет от рождения, лукава, небольшого роста, недурна собой и когда-то воспитывалась в благородном пансионе госпожи Заплевкиной, откуда вынесла преизящные манеры, умение делать реверансы и прочие необходимости современной женщины. Таня, хорошо знающая свет и людей, прекрасно одевалась, жила в Кирочной улице, любила молодецковский клуб зимою, Таврический сад весною и дачу где-нибудь в окрестностях летом, – словом, героиня наша была прекрасною женщиною в полнейшем значении этого слова. Если к такой характери-

стике мы прибавим, что Таня елозила на коньках зимой не без эффекта и превосходно изучила все тайны женского кокетства, – мы только послужим истине и выставим изображаемую нами девушку во всем ее грандиозном величии, и ничего больше.

Но тут мы намерены перекинуть два-три слова о женщинах вообще.

Как известно, лучшие мыслители нашего времени гг. Соловьев, Стебницкий, Авенариус³ и другие не без основания боролись и борются против ужасной современной болезни, носящей название женской эмансипации. В чем состоит эта болезнь, мы, признаться, сказать не можем, хотя и намерены присоединить свой слабый голос к голосам упомянутых бойцов, так же как и мы малосведущих.

Мы не намерены вдаваться в длинные рассуждения о сущности и причинах реченной эпидемии; не намерены мы также вступать и в полемику с кем бы то ни было; но мы только коротко укажем нашим противникам на процветание лавок с панскими товарами, на шиньоны с грегаринами, на модные журналы, – и, надеемся, эти факты будут свидетель-

³ ...лучшие мыслители нашего времени гг. Соловьев, Стебницкий, Авенариус... – Эти писатели выступали в своих произведениях против женской эмансипации. Н. И. Соловьев (1831-1874) подвизался в журнале «Эпоха» (статьи «Теория безобразий», «Бесплодная плодовитость»); Н. С. Лесков под псевдонимом Стебницкий выступал против идей «новых людей» в романах «Некуда» и «На ножах»; В. П. Авенариус (1839-1919) был известен в 60-е годы как автор пасквильных сочинений, направленных против молодого поколения («Современная идиллия», «Поветрие»).

ствовать сами за себя. Короче: женщина наша, как мы думаем, не только не ослабла среди тяжелых испытаний, которым она подвергалась еще так недавно, напротив, она вышла победительницей из этой борьбы и с честью теперь несет свой длинный шлейф или короткую юбку с бесчисленными фестонами.

Итак, Таня Черноусова принадлежала к числу лучших наших женщин... Но – обратимся же к ней.

После сцены в Таврическом саду, описанной в прошлой главе, семейство Черноусовых собиралось на дачу. Смотрели в Лесном – не нравится, смотрели в Кушелевке – тоже, наконец решили, что следует переехать во Второе Парголово. Сказано – сделано. Сдали городскую квартиру и недолго думая переехали.

Тане в первое время особенно нравились прогулки по окрестностям нового их обиталища: нравился ей Шуваловский сад, Парнас, озеро и ферма в Первом Парголово, нравилась ей Заманиловка, нравилось Третье Парголово и даже нравился чудак дачник на Кабаловке, устроивший себе шалаш из рогож на небольшом островке среди небольшого озера. Правда, все эти прогулки Таня производила в теплом пальто или меховой шубе, ибо на дворе стоял мороз в десять градусов; но и среди такой стужи горячим ключом била ее кровь и трепетало сердце, так как с нею был *он*... Алеша Перепелкин...

Впрочем, об этом в следующей главе.

III

Дальнейшая судьба Тани под влиянием любви к Алеше Перепелкину, холода и других причин, между которыми далеко не последнюю роль играет строгость отца. – Комары на смену морозов. – Письмо Алеши

Дни шли за днями. Герой наш, как оказалось, жил в Первом Парголове, откуда поутру отправлялся на службу, а вечера проводил в обществе Тани и ее семейства, с которым он познакомился довольно легко. Там он или играл в шашки с отцом своей возлюбленной, или читал вслух «Трущобы»⁴, большей же частью признавался в любви, сидя в садике глаз на глаз с обожаемой девушкой. Мы бы никогда не решились распространяться об этой последней статье, то есть о любовных объяснениях, если бы сами не слышали следующего разговора, записанного нами с точностью, которой, думаем, позавидовали бы даже сами гг. Артоболевский и его злополучные стенографы.

– Как нынче холодно, – сказала Таня, глубоко запуская руки в муфту.

– Я дрожмя дрожу, – отвечивал Перепелкин.

– Всякое чувство должно замерзнуть в такой мороз, – про-

⁴ ...читал вслух «Трущобы». – Воронов имеет в виду роман В. Крестовского «Петербургские трущобы», имевший широкое хождение в мещанской среде в середине 60-х годов XIX века.

молвила она.

– Нет, в мороз как-то крепче любитя, – возразил он.

– Вы так думаете?

– Сейчас издохнуть!

– Не верю.

– Ей-богу-с! Да как же-с... Внутренний жар...

– Мужчина всегда склонен к измене, – возразила Таня.

– Ах, Татьяна Степановна! – воскликнул Алеша, с жаром хватая ее руку, – мужчина на мужчину ведь не приходит. Известно, есть коварные и из нашего брата, но только... нет!..

Он поцеловал ее руку.

– Вот и вы меня тоже мало любите, – заметила Таня.

– Я-с?

– Да, вы. Вы меня очень мало любите.

– Я-с?!

Он встал перед ней на колени и затем начал выкладывать на пальцах следующее:

– Во-первых, угодно вам, я умерщвлюсь?..

– Нет, я этого не хочу, – с испугом проговорила героиня.

– Во-вторых, угодно, я сейчас утоплюсь? – прибавил Алеша, загибая другой палец.

– Ах, нет, нет, нет!

– В третьих, угодно ли, я вот на этом дереве удавлюсь? – сказал Перепелкин, пригибая к ладони безымянный палец.

– Ни за что! ни за что!

И прежде чем герой наш успел подумать, какое бы само-

убийство придумать ему для четвертого пальца, сиречь мизинца, растроганная Таня уже обхватила руками его шею, и слезы каскадом брызнули из ее глаз.

Так совершилось это замечательное первое признание.

– Ах, если бы на земле был постоянный мороз! – возопила Таня. – Как бы ты любил меня, мой ненаглядный! – прибавила она.

– Ничего-с, мы и в теплую погоду не изменим, – проговорил счастливый Алеша.

Подобные отношения не ушли, однако, от зоркого взгляда отца Тани, что могло явствовать из следующего разговора, происшедшего между стариком и его дочерью дня через два после описанной нами сцены признаний в любви.

– Ты, Татьяна, кажется, амурничаешь с этим голодрыгой? – спросил не без суровости отец.

– Нет, папенька; я ничего-с.

– То-то, ничего; смотри, чтоб у меня этого не было.

– Слушаю-с.

В тот же вечер строгий Степан Филимонович отказал несчастному Алеше от дома, пригрозив перешибить ноги поленом, если сказанный амурник явится к нему на дачу.

Однако прошли и холода. Показалось солнце, повсюду полезла зелененькая травка, защебетали птички. Дачная жизнь уже готовилась развернуться как следует, как вдруг неизвестно откуда появились мириады комаров – ужасных комаров, каких когда-нибудь видел Петербург. Словно поражен-

ные проказой, слонялись искусанные дачники с места на место, не находя себе покоя. И потянулись унылые, несносные дни. Вместе с другими страдала и Таня, уязвляемая, с одной стороны, противными комарами, а с другой – тяжелой разлукой с милым ее сердцу Перепелкиным. Но вот однажды, когда, искусанная и грустная, она сидела в своем садике, к ногам ее неизвестно откуда упал небольшой конверт. В одну минуту несчастная девушка вскрыла его и – о восторг! – нашла там письмо от драгоценного Алеша. С замиранием сердца и слезами на глазах Таня прочла следующее:

«Бесценный мой ангел! – писал Алеша, – нет сил переносить то ужасное состояние, в котором я нахожусь, сгорая от любви, а также по случаю выгона из вашего дома. Папенька ваш поступили со мной выше всякой меры, однако я вас люблю по-прежнему, несмотря на наступившие жары. Вчера ходил в лес, думая, что комары заедят там меня до смерти и чрез то прикончат мою печаль, но по случаю жестоких упущений не мог пробыть и пяти минут, для чего и вернулся домой... Нам надо бежать. Соберитесь с мужеством, и побегим куда глаза глядят от сего мира, отравившего наши радости. Вчера ходил по озеру и увидел, как в одну купальню вошли какие-то женщины; я подумал было, что это вы, мой ангел, но когда начал подсматривать в шелку, то разобрал, что это совсем посторонние, отчего долго и много плакал. Ах, мой ангел! если бы вы знали, каким ключом кипит кровь в моих жилах, вы тотчас изыскали бы средства к побегу и

протянули бы мне руку помощи, как любимому человеку. Нет сил, моя радость, переносить то тревожное состояние, в котором я нахожусь, не видя вас, мой дорогой друг!.. Боюсь ходить около вашей дачи, так как папенька ваш обещались перебить мне ноги поленом, что, как известно, при моей службе неудобно и начальство сейчас же заметит. Еще раз умоляю тебя, прекрасный мой друг Таня, похлопчи о побеге и о последующем немедленно меня уведоми. Прощай, прощай! У ног твоих в слезах».

Сдержанные рыдания разнеслись по саду, когда Таня прочла эти немногие, но горячие строки. Долго сидела она, поникнув головою, и затем начала думать о побеге.

IV

Еще несколько слов о комарах. – Размышления Тани о побеге, с некоторым изображением ее представлений о местах, в которые может быть направлено это бегство. – Интересный рассказ отставного солдата

В то время как любовь Тани к Перепелкину крепчала, крепчали и комары: легионом набрасывались они на несчастных дачников; ели мужей, жен и детей; ели одинаково русских и иностранцев; равно запускали свое жало в благородных и простолюдинов, несмотря на вопли газеты «Весть», уверяющей, что мужика сосет мужичий комар, а барина барский. И грустно и смешно было видеть, как почтенные отцы семейств ходили с шишками на лбу и желваками под глазами, точно после солидной потасовки. Многие дамы по этому случаю повели чисто затворническую жизнь, а одна девица хотела даже замуровать себя, что непременно и выполнила бы, если бы только тому не помешал необыкновенной величины шиньон. Словом, пришло для всех такое горе, о котором нам даже и рассказывать не хочется.

Между тем Таня все думала о побеге. Мечты, одна другой несбыточнее, одна другой чудовищнее, лезли в ее горячую голову.

«Вот слышала я, когда училась в пансионе Заплевкиной, что есть такая страна, Испания, – думает наша героиня, –

разве туда сбежать? А что же? и отлично. Он там поступит в земский или в уездный суд, служить будет, а я буду кринолин носить да в тамошний молодцовский клуб ездить или на коньках по тамошней Мойке кататься. Да право. Все же лучше, чем жить с таким извергом отцом».

И слезы лились из глаз девушки обильным потоком.

«А не то, – поплакав вдоволь, опять думает Таня, – убежим мы с ним к самоедам, в Самоедию; в Париж французский тоже можно махнуть: он там в квартальные надзиратели поступит, а я буду детей французскому языку обучать, – ведь я понимаю же его немного».

И опять слезы, опять слезы.

Среди таких-то, несколько юношеских, но тем не менее прекрасных мечтаний текли нерадостные дни несчастной девушки, нарушаемые лишь короткими шлепками себя по лбу и по щекам, чем, как известно, сопровождается борьба с комарами. Вдруг в один прекрасный вечер по саду разнесся металлический голос (у г. Хана, редактора «Всемирного труда»⁵, тоже металлический голос, о чем и было заявлено в газетах в свое время), – так раздался металлический голос отца Тани.

– Дочь моя, поди сюда! – вопиял Степан Филимоныч.

Таня повиновалась, вошла в комнату и увидела неизвестного старика, по всем признакам отставного солдата, но до

⁵ ...у г. Хана, редактора «Всемирного труда» – журнала, открыто враждебного прогрессивным идеям 60-х годов, издававшегося с 1867 года М. А. Ханом.

того ветхого, что члены его от старости тряслись, как в лихорадке, а во рту не было ни единого зуба и на голове ни единого волоса, как на ладони.

– Вот он интересную историю о комарах нам хочет рассказать, – сурово вымолвил отец, – садись и прислушай.

Таня опять повиновалась.

– Так как, дедушка, дело-то было? – спросил Степан Филимоныч солдата.

– Да вот как, батюшка...

Старец откашлялся и потом начал так:

– Мне, батюшка, нонича сто третий год пошел, из ума я от времени-то выживать стал; но только это дело верное... Воевали мы с блаженной памяти графом Румянцевым-задунайским турку⁶, и сколько мы там его ни воевали, пришли мы в город Бухарешт. Вот пришли и стоим. Только и отрядили меня раз эдак-то за фуражом. Ну, разумеется, отрядили меня не одного, а вместе с другими-прочими. А лето, надо сказать, было жаркое, комариное такое: ровно псы, прости господи, жияют тебя эти твари. Тут мы отмахивались, отмахивались от них, да с горя и перепились, что твои сапожники. И вот хмельной-от я и видел, как эти черти, комары, дотла съели лошадь, так что и костей даже не осталось, а

⁶ *Воевали мы с блаженной памяти графом Румянцевым-Задунайским турку.* – Имеется в виду русско-турецкая кампания 1768-1774 годов, командующим русскими войсками во время которой был выдающийся полководец П. А. Румянцев, награжденный за одержанную им победу титулом графа с почетным наименованием «Задунайский».

остались одни только копыта, потому как копыта эти самые были дегтем смазаны, – а комар от дегтя, знамое дело, что твой черт от ладана...

После этих слов старец понес уже такую околесную, что даже сам Степан Филимоныч увидел, что солдат действительно от времени стал из ума выживать, почему и отпустил его с миром. Между тем повествование о съеденной комаром лошади прочно засело в голову Тани и послужило нитью, с помощью которой, как мы увидим в следующей главе, она выбралась-таки из того лабиринта, в котором находилась.

V

Что увидел Степан Филимоныч в утро двадцатого июня текущего года, в то время, когда шел с купания, и какое письмо нашел он в комнате Тани; этой же главой положен будет конец сей печальной истории

Утро двадцатого июня текущего года было поистине великолепно. На небе ни пятнышка; яркое солнце слепит очи; ветерок чуть порхает; птички щебечут упоительно. Думал, думал Степан Филимоныч, созерцая красоту природы из маленьких окон своей маленькой дачки, да и решился сходить выкупаться. «Таня еще спит, – размышлял он, – ну и пускай ее спит; а тем временем схожу-ка я, поручик в отставке, искупаться». Взял он простыню и отправился. Было бы излишне, да и неприлично, пожалуй, описывать внутренность купальни и самих купающихся, как излишне и неприлично говорить о некоторых наших литературных органах и их полемических приемах, потому мы и пройдем все это молчалием, упомянув, однако, что обряд купанья поручик в отставке исправил надлежащим образом. Вышедши из конуры, именуемой на языке парголовцев ванной, Степан Филимоныч не пошел прямо домой, но уклонился в сторону и в поле наткнулся на толпу народа, собравшуюся вокруг чего-то.

– Что тут такое? – с обычным любопытством спросил поручик, приближаясь к толпе.

– Да вот, ваше благородие, сапоги с башмаками нашли, – отвечал какой-то парень, побойчее других.

– Ну, и что же?

– Через станowego подымать теперь будем, потому как тут дело, надо быть, уголовное.

– Отчего же ты думаешь, что тут уголовное дело?

– А потому, что оченно дегтем они все измазаны.

Посмотрел Степан Филимоныч на сапоги, посмотрел на башмаки, пожал плечами, да и пошел домой, размышляя о том, как человек способен на все смотреть сквозь увеличительное стекло. По приходе домой Степан Филимоныч приказал поставить самовар и велел кухарке разбудить Таню.

– Что же, будила барышню? – спросил он кухарку, когда та поставила на стол тульское чудовище, свиставшее, хрипевшее и даже плевавшее во все стороны.

– Будила, да они не откликаются, – отвечала служанка.

– А вот я сам пойду.

Подошедши к комнате Тани, поручик в отставке сильно застучал в дверь – ни ответа, ни привета.

– Полно дрыхнуть; пора вставать, – воскликнул суровый отец.

Ответа снова не последовало.

– Татьяна! тебе говорю! – взревел отец. Опять молчание.

Тут Степан Филимоныч немного приотворил дверь и с ужасом увидел, что дочери не было в комнате; даже кровать не была задернута пологом, а постель свежа и неизмята, как

будто на нее никто и не ложился в эту ночь. Пораженный отец переступил порог и, приблизившись к столу, нашел на нем письмо, адресованное на его имя. Рука Тани. Боже! что такое? Поручик в отставке быстро разорвал конверт и – о ужас! – прочел следующее:

«Милый папенька! Извините, что я беспокою вас своим письмом, но я так любила Алешу Перепелкина, что решила лучше умереть. Вы помните, вероятно, как намереди выживший из ума старик солдат рассказывал, как лошадь съели комары, потому мы с Алешей и решились умертвить себя этою лошадиною смертью. Для того же, чтобы вы не подумали, что мы просто сбежали и тайком обвенчались, и чтобы оставить хоть какие-нибудь следы после себя, мы намазали дегтем свои сапоги, которые, вероятно, и останутся после нашей смерти. Вы не сердитесь на меня, милый папенька, потому что я испортила дегтем старенькие полусапожки, которые все равно пришлось бы бросить. Еще прошу вас, бесценный папенька, не убиваться и не печалиться, так как еще в бытность мою в пансионе Заплевкиной я очень была склонна к мечтательности. Прощайте, папенька, целую вашу ручку и прошу поклониться всем нашим знакомым».

Как столб, повалился на пол злополучный Степан Филимоныч, прочтя это письмо.

– Ее комары заели, сам полусапожки видел, – взвизгнул он, ворочая белками и теряя рассудок.

Мы ничего больше не имеем прибавить к этой истинной, хотя и невероятной истории, ибо вовсе не намерены верить вздору, распускаемому разными досужими языками, утверждающими будто поручикова дочь просто-напросто сбежала с каким-то писцом. Вздор! ее съели комары!